

БЕРДЯЕВ и ГРУППА «ПУТЬ» (1911-1917): спор о Предании

Владислав Алексеевич Шапошников

Москва

Главная особенность Николая Бердяева как религиозного философа – это *профетический, пророческий* дух его творчества. Он предупреждает нас о тех духовных опасностях и тупиках в которые рискует зайти религиозная мысль. Как отмечал С. Фудель, переломным моментом в церковном мышлении стала первая мировая война. После этого перелома начинается эпоха в которую становится невозможным говорить о Церкви и в Церкви так, как говорили «до обвала». Бердяев не предлагает развернутый альтернативный дискурс, на этот дискурс у него только намеки, но он прозорливо указывает на ключевые точки требуемого пересмотра. Именно в этот переломный период, в 1914-1916 гг., Бердяев выпустил главную свою книгу русского периода – «Смысл творчества» (писалась в 1912-1914 гг., издана в 1916 г.) и в серии полемических статей сформулировал пункты размежевания как с «петербуржцами» (Мережковский и К), так и с «москвичами» (группа «Путь»). Вынужденный эмигрировать Бердяев принес в Европу свою тему, свой интеллектуальный и духовный багаж, который сформировался главным образом в названный выше период. В годы эмиграции в процессе включения в европейское философское сообщество он скорректировал философский язык и полноценно развернул все возможности найденного в до-эмигрантские годы подхода.

Произошедшее в 1911-1912 годах расхождение Бердяева с Московской религиозно-философской группой и издательством «Путь», было затем осмысленно им в ряде полемических статей, важнейшие из которых появились в печати в 1914-1917 годах и вызвали живую полемику. Эмоционально-психологическая сторона разрыва Бердяева с «Путем» подробно рассмотрена в книге Евгения Голлербаха «К незримому граду» (СПб., 2000). Но сводился ли спор Бердяева с «путейцами» к личным трениям, обидам, особенностям характера и т.п.? Было ли у этого спора интеллектуально-духовное ядро? Полагаю, что – да. Смысловой осью, вокруг которой вращается полемика, служит, как представляется, отношение к Преданию. Причем, если позиция путейцев – это попытка найти место новым вопросам в рамках старой парадигмы мышления, то позиция Бердяева скорее предвосхищает то понимание Предания, которое вызреет в русской эмиграции в 30-50 е годы. Так, при всех различиях, некоторое важное сходство со спором Бердяева и группы «Путь» имеет знаменитый «спор о Софии».

В докладе предполагается развить следующие тезисы и обсудить вопросы:

1. В центре обоих споров – тема соотношения старого и нового, *традиций и новаций*. Проблема *предания* – это проблема присутствия старого в новом, связи поколений и укорененности в истории. Когда предание действует мертвяще, а когда оно животворит? Что есть мертвое предание и что есть предание живое? На эти вопросы спорящие стороны отвечали по-разному.

2. Для Бердяева «предание оправдано, как живая творческая энергия». Проблема отношения к преданию разрешается у него в рамках центральной темы *творчества* как новизны в *истории*. Верность живому преданию есть верность духу, который не воплотим в полной мере ни в какой букве. Главное для Бердяева в творчестве – творческий порыв, усилие, а не результат. Путейцы (Флоренский, Иванов) придерживаются иной концепции творчества, которая раскрывается через понятие символа. Символ, есть полнота воплощенности идеи, а отсюда – первичен результат, а не путь и способ движения. Путейцы – сторонники христианского платонизма. У Бердяева: акцент на чувстве истории. Чувство истории противоположно *платонизму*. Причем история не относится исключительно к феноменальной области, она имеет и ноуменальное измерение. Платонизм – оптимистичен, историзм – трагичен. История для Бердяева – это всерьез, а не просто непонятное удвоение в целом благополучного процесса в Боге. Предание как творчество VS предание как воспоминание и покорность.

3. Бердяев обвиняет путейцев в стилизации и существовании среди «отраженных культур». Стилизация как попытка вернуться из нового в старое, из настоящего в прошлое или, по крайней мере, создать видимость такого возвращения. В этом опять же сказывается попытка проигнорировать свое место в истории, отказ его принять, воспринять всерьез. Поиск исторического прафеномена. «Отражение» – платонический термин. История для платонизма – кривое зеркало подлинного мира, а значит – вторичная, неподлинная реальность. Критика стилизации у Бердяева и «восстановление стиля» у Флоровского.

4. Бердяев о соотношении трансцендентного и имманентного, догмата и мистики. Точнее: противопоставление догмата как внешней данности и догмата как транскрипции внутреннего религиозного опыта. Критика церковного платонизма как дуализма и трансцендентизма. Религиозный материализм как изнанка платонизма. Имманентный опыт VS трансцендентная онтология. Возможен ли синтез?

5. Тема религиозного совершеннотия у Бердяева: ответственность за других и историю. Тема социального и этического равнодушия в контексте христианского платонизма.

6. В чем отличие позиций Бердяева и Флоренского в отношении к Преданию? Вопрос о возможности нового откровения, продолжающемся откровении. Флоренский: не ищем новых догматов, но ищем нового

ведения старых. Бердяев: именно новое откровение, откровение о человеке. По Флоренскому: буква та же, дух – новый. Флоренский: «... по общему “закону постоянства”, господствующему над развитием всяких символов и всяких обрядов, прежнему необходимо было обогатить свое содержание, сохраняя неизменною форму». Об этом же в «Философии культа»: правы старообрядцы, неизменность буквы при свободе толкований. По Бердяеву: дух тот же, буква – новая.

7. Спор вокруг центральной фигуры - Хомякова. Бердяев «за» Хомякова, Флоренский – «против». Предание славянофильства и Предание Церкви. Два понимания Предания. Сравнение позиции Бердяева и формулировок верности Преданию у парижских богословов